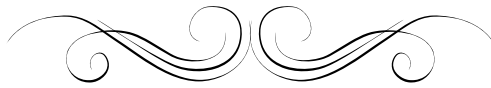

ПРИНУЖДЕНИЕ К УЛЫБКЕ

1

Я не умею улыбаться на фото. Недавно это опять подтвердилось, когда надо было сниматься для журнала в Москве, а потом на водительские права в Калифорнии. Получается либо неестественная улыбка, либо вообще мрачный вид. Иногда и сама мрачность выглядит какой-то вымученной.

В поисках самооправданий я даже разработал теорию, что искусственность, некая ненастоящность, присуща улыбке по определению.

Что такое улыбка? Это нерешительное поползновение в сторону смеха, но без звука и телодвижений, исключительно силами лицевых мышц. По-французски *улыбка* — *sourire*, буквально “под-смех”, то есть *полусмех*, *усмешка*, *смешок*. А что такое смех, известно от психоаналитиков — это агрессивно-оборонительная установка, то есть враждебность,

но подавленная и сублимированная, переведенная в символический план. За смехом стоит отстранение от объекта, а не сопереживание ему. Улыбка — тот же смех, только на вид еще безобиднее. С зооантропологической точки зрения, суть улыбки в оскале зубов, демонстрирующем как их наличие, так и отсутствие намерения пустить их в ход...^{*} Таким образом, улыбка — условный и двусмысленный сигнал, посылаемый противнику в достаточно трудной ситуации.

Непринужденная улыбка, боюсь, просто оксюморон. Возможна она разве что у безраздельного хозяина положения (*самодовольная, победительная улыбка*) или у наивного идиота, уверенного, что ему ничто не угрожает. А нормальная улыбка — как раз вымученная.

Недаром *улыбка* охотно сочетается с эпитетами *неопределенная, непроницаемая, загадочная, беспомощная, двусмысленная, кислая, горькая, кривая, искусственная, деланная, заученная, вымученная, фальшивая, дежурная, принужденная...* Еще — *смутная*. Так переведено на русский язык название романа Франсуазы Саган “*Un certain sourire*”, букв. “Некоторая / определенная улыбка”, — “Смутная улыбка”. В американском английском распространено выражение *plastic smile*, букв. *пластмассовая улыбка* — как у профессионально улыбающихся продавщиц и телеведущих.

* Аналогичным образом, рукопожатие, то есть протягивание безоружной руки, призвано снять враждебную напряженность между сторонами; причем и тут возможны градации, в том числе совсем уже капитулянтские руки вверх.

Лилиан Гиш в фильме «Broken Blossoms» (1919)

2

Литература полна всякого рода двусмысленных улыбок. У Пушкина —

И может быть на мой *закат печальный*
Блеснет любовь *улыбкою прощальной*.

А у Вертинского —

И затаив бессилье гнева,
Полна угроз,
Мне *улыбнулась* королева
Улыбкой слез.

Тут и *слезы*, и *гнев*, и его *бессилье*, и *угрозы*, и, главное, затаивание, то есть подавление, сублимация. Сама *улыбка слез* может восходить к знаменитой формуле Гоголя, озиравшего жизнь “сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы”.

Пастернак, в стихах к собрату, праздновавшему свое пятидесятилетие в подсоветских условиях, писал:

Что мне сказать? Что Брюсова горька
Широко разбежавшаяся участь?
Что ум черствеет в царстве дурака?
Что не безделка — *улыбаться, мучась?*

После юбилея Брюсов не прожил и года. У Ахмадулиной пушкинская *прощальная улыбка* становится уже откровенно *предсмертной* и притом сознательно примеряемой и заучиваемой:

Это я — мой наряд фиолетов,
я надменна, юна и толста,
но к *предсмертной улыбке* поэтов
я уже *приучила* уста.

Да и сама поза подается с печальной иронией. Эмблемой улыбки наперекор смерти стала в начале пятидесятих годов последняя фотография приговоренного к казни греческого коммуниста Никоса Белоянниса, снявшегося с улыбкой на лице и красной гвоздикой в руке. Она была широко растиражирована в печати и прославлена сделанным по ней графическим наброском Пикассо.

Знаменита своей двусмысленностью улыбка леонардовской Джоконды. Среди объяснений ее неуловимости есть гипотеза о ее бисексуальной подоплеке — перед нами как бы автопортрет художника-андрогина в женском обличье. Правда, тогда улыбка эта не столько принужденная, сколько, наоборот, прячущаяся. В любом случае, налицо опять затаивание, подавление.

Двусмысленна улыбка, издавна вчитываемая в лицо Великого Сфинкса и призванная транслировать его многообразно двоякую культурную принадлежность — египетскую и греческую, двоякую половую сущность — мужскую в египетском варианте, женскую в греческом, двоякую биологическую природу — человеческую и животную, и, наконец, его вековую таинственность и как древнеегипетского памятника, и как мифологической задавательницы неразрешимых загадок у греков.

Максимальный улыбчатый эффект из всего этого богатого потенциала извлечен, наверное, в английском пародийно-романтическом стихотворении (известном в нескольких вариантах):

The sexual life of the Camel,
Is stranger than anyone thinks.
In moments of amorous passion
He frequently buggers the Sphinx*.

But the Sphinx's posterior passage**
Is clogged*** with the sands of the Nile****.
Hence the hump on the back of the Camel,
And the Sphinx's *inscrutable****** smile.

[Половая жизнь Верблюда / страннее, чем кто-либо думает. / В моменты любовной страсти / Он часто употребляет Сфинкса через жопу. // Но задний проход Сфинкса / Забит песками Нила. / Отсюда горб на спине у Верблюда / И *непроницаемая улыбка* Сфинкса.]

Загадочность, неуловимость, неопределенность, а то и полная исчезаемость улыбки нашла классическое воплощение в улыбке, точнее, усмешке, *grin*, чеширского кота из “Алисы в Стране чудес”. Правда, там сначала исчезает кот, а потом уже его улыбка, но суть — в игре со все той же экзистенциальной погра-

* Вариант: *At the height of the mating season He tries to bugger the Sphinx.*

** Вариант: *orifice.*

*** Варианты: *filled, blocked.*

**** Вариант: *Which accounts for the hump on the Camel.*

***** Вариант: *mysterious.*

Вуди Аллен и Дайан Китон в фильме "Sleeper" (1973)

ничностью. Подобно чеширскому коту, в других случаях исчезновению подлежит обреченный на казнь герой или нацеленная на посмертную славу поэтесса, а их улыбка остается и даже увековечивается.

3

Кстати, исчезновением *улыбка* чревата даже словарно. Второе, разговорное, значение русского глагола *улыбнуться* — “не достаться, не осуществиться, исчезнуть, пропасть в результате хищения” (*Поездка на юг улыбнулась; Мешки со склада улыбнулись*).

Более того, как все в *улыбке*, неопределенно, то есть не совсем ясно, и происхождение этого слова*. Согласно этимологическим словарям, довольно позднее лексическое гнездо УЛЫБКА — ЛЫБИТЬСЯ — УЛЫБАТЬСЯ, зафиксированное лишь с XVIII в.,** восходит, по всей видимости, к древнерусскому слову *лѣбѣ*, значившему “череп” (ср. *Лобное место*)***. Исходный смысл слова *улыбаться* реконструируется поэтому как “скалиться подобно черепу”. Это полускрытое присутствие в улыбке образа черепа, конечно, как нельзя лучше согласуется с рассмотренной выше предсмертной мотивикой. Ср. кстати, у В. Дорошевича в “Через сто лет после смерти”:

* Иногда с *улыбкой* соотносят диалектное прилагательное *лыбкий*, например, *лыбкое место* — в смысле “зыбкое, топкое”.

** В древнерусском языке в значении *улыбнуться* употреблялся глагол *улыснуться*.

*** “Лоб” обозначался словом *чело*.

Кадр из фильма «Чапаев» (1934)

“Около меня стоял господин. Приличной наружности. Скелет — как скелет. Как и у всякого черепа — улыбка удовольствия вплоть до ушей”^{*}.

Все как бы говорит о ненадежности, неестественности, ненастоящести улыбки. Архетипической эмблемой этого может служить гримаса, врезанная преступниками в лицо Гуинплена — героя романа Гюго “Человек, который смеется” (“L’homme qui rit”). Причем, вопреки заглавию (*смеется, rit*), это именно *улыбка* — оскал разрезанного до ушей рта, а не *смех*, предполагающий голосовое сопровождение.

Две мои самые любимые улыбки — из “Иностранцев” Зоценко и “Спящего” (“Sleeper”) Вуди Аллена.

У Зоценко это француз, который, как все буржуазные иностранцы, способен в любой ситуации контролировать выражение своего лица. Проглотив на дипломатическом приеме куриную кость, он весь вечер не подает виду.

“Так вот этот француз, который кость заглотал, в первую минуту, конечно, *смертельно* испугался. Начал было в горле копать. После ужасно побледнел. Замотался на своем стуле. Но сразу взял себя в руки. И через минуту *заулыбался*. Начал дамам посылать разные воздушные поцелуи. Начал, может, хозяйскую собачку под столом трепать. Хозяин до него обращается по-французски.

* А в сети сегодня можно найти массу картинок на модную тему “Шире всех улыбается череп”.

— Извиняюсь, — говорит, — может, вы чего-нибудь действительно заглotalи несъедобное? Вы, говорит, в крайнем случае скажите.

Француз отвечает:

— Коман? В чем дело? Об чем речь? Извиняюсь, — говорит, — не знаю, как у вас в горле, а у меня в горле все в порядке.

И начал опять *воздушные улыбки посылать*. После на бланманже налег. Скушал порцию.

Посидел в гостиной минуты три для мелкобуржуазного приличия и пошел в переднюю <...> Ну, на лестнице, конечно, поднажал <...>

Подох ли этот француз или он *выжил* — я не могу вам этого сказать, не знаю. Наверное, *выжил*. Нация довольно *живучая*".

Улыбки опять на грани смерти и опять под внешним давлением.

Не менее стрессовая ситуация складывается в комической дистопии Вуди Аллена. Под видом врачей подпольщики (Вуди Аллен и Дайан Китон) проникают в секретную больницу, где тело всесильного тирана должно быть восстановлено путем клонирования по носу — единственному оставшемуся от него органу. Они героически похищают этот гоголевский нос и успешно спасаются бегством, но все время, что они находятся в поле зрения медперсонала и охранников, на лице Вуди Аллена сменяются гримасы смеха, страха и злобы. Некоторые кадры запечатлевают гротескный гибрид — улыбку, наглуую и заискивающую одновременно (на 67-й минуте фильма — близ-

ко к началу 8-й части). И в неподражаемом исполнении Вуди Аллена этот мимический букет точно передает суть улыбки как нашей хрупкой защиты от ненавистного социума.

4

...Нет, на фоне жизнерадостных калифорнийцев я не выгляжу неулыбчивым русским, веселюсь, может быть, даже немного чересчур. А в молодости, по-видимому, вообще не переставал ухмыляться, с поводом и без повода, и мой приятель, мрачный остряк Феликс Дрейзин, цитировал мне в укор Маяковского:

Тот,
кто постоянно ясен, —
тот,
по-моему,
просто глуп.

Феликс все хотел дожить до эпифанического момента, когда пошлость моего барского довольства жизнью станет совершенно очевидной, и тогда уже с полным резонерским правом направить на меня итоговый изобличающий перст. Но вместо этого он давно и очень по-глупому умер, оставив меня размышлять на все подобные темы — в частности, о том, не возрастное ли это у меня насчет снимков.

Так или иначе, перед фотообъективом мне, как правило, вспоминаются кадры из пудовкинского

Бастер Китон в фильме "Go West!" (1925)

“Потомка Чингисхана” — команда, которую британский офицер-интервент отдает связному, сообщаящему ему о приближении красных. Роковое известие необходимо скрыть от окружающих, и офицер с деланой улыбкой что-то драматически шепчет, и связной тоже расплывается в улыбке. В последующих кадрах лживая дипломатическая улыбка передается от офицера к британскому коменданту, а там и к его супруге.

С момента первого просмотра фильма полвека в моей памяти живет фраза, произносимая британским офицером:

УЛЫБАЙТЕСЬ, СКОТИНА, УЛЫБАЙТЕСЬ!

Но ни в англоязычной версии онлайн, ни в русской этого титра найти не могу.

Классово родственная *улыбочка* слышится мне в чапаевских строках Мандельштама:

Начихав на кривые убыточки,
С папироской смертельной в зубах,
Офицеры последней выточки -
На равнины зияющий пах...

Не прописанная в тексте прямо, она неуловимо, немного по-чеширски и вполне в духе мандельштамовской поэтики “пропущенных звеньев”, пропускает из-за слов *начихав, кривые, убыточки, смертельной, в зубах*. И, если присмотреться, в “Чапаеве”, среди кадров психической атаки каппелевцев есть

крупный план, где на лице офицера справа угадывается улыбка — естественно, предсмертная.

А что же с незабываемым титром из “Потомка Чингисхана”? Запрошенный по электронной почте профессор Е. Марголит сообщает, что такого титра в фильме Пудовкина нет и не было, а моя абберрация, возможно, объясняется памятью об улыбке Бастера Китона под дулом пистолета в фильме “Go West!” (1925), где знаменитый не улыбающийся комик пальцами приподымает уголки рта после титра с командой улыбаться.

Или — памятью о ее классическом прототипе — аналогичной улыбке Лилиан Гиш в “Broken Blossoms” (1919) Гриффита, вынесенной мной в начало эссе (см. на с. 496).

ГРАММАТИКА ЛЮБВИ (Лингвостилистические заметки)

Кульминацией четвертой и последней новеллы (“Возгорится пламя”) фильма Михаила Сегала “Рассказы” (2012) являются слова героя, разочаровавшегося в культурном кругозоре своей юной возлюбленной:

— А о чем нам трахаться?!

Фраза стала крылатой — несмотря на свою языковую неправильность, а может быть, и благодаря ей. Чувствуется, что грамматически в ней что-то не так, но по сути все глубоко верно.

Лингвисту ясно, что именно не так: глагол *трахаться* не может управлять предлогом *о*. Но режиссер успешно восполняет этот досадный пробел русской грамматики, всей структурой своей новеллы убедительно обосновывая новую, трехактантную, модель управления. Вопрос, как делается такой неологизм, относится к компетенции уже не лингвистики, а поэтики.

Неологизмы часто попадают в самый фокус художественного построения. Искусство вообще стре-